

Эффект

МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богомной жизни
Вспомни обо мне

Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах

АННА ДАНИЛОВА

ЕСЛИ МОЖЕШЬ – ПРОСТИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн обложки *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Самофалова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Если можешь — прости : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-161849-0

Одно дело — мечтать отомстить обидчику, совсем другое — решиться на реальное убийство. Что происходит с человеком в ту минуту, когда он выносит приговор ближнему? Какой механизм мы запускаем в собственной душе, назначая себя палачом? Виолетта слишком молода, чтобы довериться чужой мудрости, поэтому на все вопросы она будет искать ответ самостоятельно. Чтобы вывести точную формулу оскорбленного сердца, она окружит себя людьми страдающими, алчными, завистливыми и самоотверженными — каждый из них в ее маленьком вымышленном театре готов стать и жертвой, и преступником...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161849-0

© Текст, Дубчак А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

1. Виолетта

Осеннее, еще теплое солнце заглянуло во внутренний двор моего дома на Цветном бульваре и поселилось в моем сердце.

Всего полчаса прошло с той минуты, как легкий ветерок взъерошил густые темные волосы парня, забежавшего в это богом забытое место, в этот темный двор, забитый мусорными баками и поваленными деревьями с мертвой золотой листвой. Полчаса как он не знает, что стало с его спортивной сумкой, которую он бросил как раз за эти самые баки. Не знает он и того, что все это я совершенно случайно увидела, наблюдая из окна своей комнаты за проплывающими по небу облаками.

Второй этаж — не так высоко. Во всяком случае, я сумела разглядеть его белоснежную рубашку с распахнутым воротником и черную кожаную куртку. А еще лицо. Лицо не отражало ни одну из известных мне эмоций. Разве что полное равнодушие. Длинные ноги в узких синих джинсах унесли парня вон со двора, и снова стало тихо.

Не помню, как я оказалась возле мусорных баков. Сердце колотилось, а руки выуживали из вонючей темной дыры большую спортивную сумку и холодный влажный пистолет.

И вот я снова в своей комнате. Думаю, мое сердце все-таки выпрыгнуло из груди через горло и осталось где-то там, на золотых осенних листьях, которые мягким ковром устлали двор.

Может, кто-то, наблюдающий, как и я, за облаками из окна своей квартиры, увидит его, подберет и оставит себе. Так, на всякий случай, может, пригодится...

Но меня это уже не волновало. На столе моей комнаты лежал пистолет, а на полу — раскрытая сумка с кучей денег. Волшебные дары судьбы, посланные за все те страдания, что мне пришлось пережить за последний год: смерть матери под колесами джипа, тяжелый разговор с ее последним мужем, на которого она оформила нашу квартиру. Ту самую квартиру, в которой я сейчас стою, глядя на аккуратненькие пачки евро.

«Живи, детка, я скоро вернусь, мы продадим квартиру и поделим денежки», — сказал Жорик, скаля свои новенькие зубы, оплаченные в дорогой клинике моей матерью. Редкостной дурой, всю жизнь положившей на то, чтобы содержать мужиков.

Моя мать — породистая талантливая мошенница, которой природа по ошибке вложила в череп настоящий компьютер, способный делать деньги из воздуха. Тысячи афер, сделок, делишек заставляли денежные ветра дуть прямо матери

в карман. Другое дело, что она не умела этими деньгами распоряжаться. Как легко они к ней приходили, так и уходили, улетали, перемещались в сейфы подпольных казино, где играли ее любовники, в кошельки молоденьких любовниц маминых любовников.

«Масло с колбасой в холодильнике, сахар и хлеб купишь по дороге. А я пошла, у меня дела». «Прибери, закинь в стиральную машинку джинсы Жорика и не забудь о носках. Суп в холодильнике, а я поехала, у меня встреча...»

Был бы жив отец, она, возможно, прожила бы свою жизнь иначе. Но отца пристрелили при задержании, как опасного преступника, убийцу.

Мне было семь лет, когда это случилось. Мать целый год ходила в черном, полюбила коньяк с яблоками и крепкий многочасовой сон. На мои вопросы, за что папа убивал людей, она только отмахивалась, бормоча сонно: «Не все люди хорошие, Веточка. Иных и пристрелить не жалко».

Это потом я узнала, что мой отец, которому менты дали прозвище Мясник, был жестоким человеком, наемным убийцей, одним из самых дорогих профессиональных киллеров Москвы. Вот только как он распорядился своими деньгами, мы с мамой так никогда и не узнали. Хотя мать могла от меня это скрыть.

Вета, Веточка — так звали меня родители и бабушка. Бабушка так зовет до сих пор. Она живет в Подмосковье, на нашей даче, обосновалась там окончательно, заперла себя в уютном доме в хвой-

ном лесу и счастлива. По паспорту я Виолетта Николаевна Мясникова. Виолеттой меня назвала, понятное дело, мать, большая любительница оперы. Единственной оперы, «Травиаты», мелодии из которой она то и дело насвистывала, готовя кофе по утрам или намыливаясь под душем. Отсюда и Виолетта. Понимала ли она, что не столько награждает меня редким именем, сколько кодирует меня, закладывает в судьбу ноты грустной жизненной партии французской куртизанки? Конечно, нет.

Но все равно я не в обиде на мать. Она, конечно, дура, оставила меня без собственного жилья, но так-то она всегда присматривала за мной, покупала мне красивую одежду, следила, чтобы я чистила зубы, мыла уши и ноги, оплачивала все мои увлечения (танцы, живопись, игру на гитаре и еще кое-что по мелочи), кормила меня и доверяла бесконечно, предоставляя максимум свободы.

По-хорошему, ее бы за все ее делишки посадить лет этак на пятнадцать, тогда всем было бы хорошо, особенно нам с бабушкой. Но ей фатально везло. Ее везение промахнулось всего один раз, когда ее сбил джип. До сих пор, кстати говоря, так и не нашли этого веселого водилу.

Вернувшись с чужими деньгами и оружием домой, я задернула шторы и дальше наблюдала за двором в бархатную щель. Это удивительно, что я так быстро справилась и успела нырнуть за мусорные баки буквально за несколько минут до того, как во дворе появилась полицейская машина.

Резко затормозив, она встала как раз напротив моего подъезда. Из нее вышли трое, стали обыскивать двор, потом вернулись в машину и уехали.

Двор опустел, а передо мной все еще стоял этот парень. Высокий, черноволосый, с каменным лицом-маской. Это какую же нужно было прожить жизнь, как разочароваться в ней, чтобы смешную мальчишескую мордашку, доставшуюся ему при рождении, так перекосило, вытянуло и превратило в лицо убийцы. Да, вспомнила, у кого еще видела такое же непроницаемое лицо, такие холодные глаза. У моего отца. Правда, он был блондином с зелеными глазами. Мои зеленые глаза достались мне по наследству. Думаю, что и моя кровь, густая смесь мощных ДНК моих преступников-родителей, тоже несет вполне определенную информацию. С этим сознанием и живу.

Я понимала, что любителей постоять-покурить у окна в нашем доме предостаточно — полно пенсионеров, которым просто некуда девать время, и они целыми днями гоняют чай на кухне. Да мало ли кто мог задержаться у окна в тот момент, когда обладатель холодных глаз избавлялся от тяжелой денежной ноши. А это означает, что могли заметить и меня, эту самую ношу прибравшую!

Через несколько минут, когда стало очевидно, что я похитила чужие деньги и оружие, мне уже ничего другого не оставалось, как выбраться с этой сумкой через чердачную лестницу на крышу, пробежать до единственного распахнутого в этот день люка третьего подъезда, спуститься вниз, выбо-

жать со двора и броситься бежать по Цветному бульвару вдогонку самой осени...

Пахнувшая типографской краской газета объявлений не могла решить мой острый квартирный вопрос. Я отлично знала, как надувают жаждущих снять квартиру московские квартирные мошенники. Великое множество однодневных офисов псевдориелторских контор продают доверчивым людям списки с липовыми адресами совсем даже не пустых квартир.

А ведь мне надо было где-то скрыться.

Понятное дело, что я не в лесу жила, у меня были подружки, знакомые, но мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, где я скрываюсь. Ведь круг моих знакомых легко просчитать. По этой же причине я не могла отправиться к бабушке в Ключниково, хотя этого мне хотелось больше всего. Вот ей-то я как раз могла бы все рассказать без утайки. Еще и не такие истории она проглатывала на своем веку. Моя бабушка — черный ящик, который невозможно отпереть.

А еще она добрая, умная и печет отменные пирожки с яблоками. Еще вяжет пуховые шали, носки и варежки.

Я позвонила ей, сказала, что мне нужна квартира. Она выслушала меня и, не задавая вопросов, сразу же назвала адрес.

— Веточка, ключ найдешь под ковриком. Удачи тебе, детка.

Волшебница. Вот все люди были бы такими — понятливыми, не любопытными, способными любить, как она. Ольга Михайловна Берглунд,

фамилия по второму мужу, потомку переселенцев из Швеции. Уж не знаю почему, но моим родителям в их нечистых делах она помогала всегда.

Крапивенский переулочек, куда отправила меня моя Ольга Михайловна, находился в уютном уголке между Петровским бульваром и самой Петровкой. Вот как раз рядом с Высокопетровским монастырем, в старом, забытом всеми, в том числе далеко не бедным подворьем по соседству, дворе. В древнем, чудом сохранившемся доме грязного красного кирпича на третьем этаже и находилась тихая квартира — мое убежище на неопределенное время.

Высокие потолки, желтые в жирных пятнах обои, почерневший паркет, вытертые диваны и кресла, огромная кухня со старым буфетом, наполненным фрагментами старинных сервизов, глубокая ванна с уже оранжевой от времени эмалью. Самое то для преступниц вроде меня. Оказавшись там и провернув с громким шелканьем ключ, я заперлась, смутно представляя себе свое дальнейшее существование.

Зато я была в полной безопасности.

Устроившись на пахнущем старьем красном одеяле, я высыпала из сумки пачки денег и принялась пересчитывать. Подсчет занял несколько минут — все пачки были в банковских упаковках, каждая пятисотенными купюрами по пятьдесят тысяч евро каждая. Пачек было сто двадцать, значит, за несколько минут безумного марш-броска

к помойным бакам и обратно я присвоила себе, страшно сказать, шесть миллионов евро!

Сиреневые пачки согревали мне душу и перехватывали дыхание. Очень странное это было чувство. Я шелестела купюрами, трогала их, обнюхивала, пытаюсь понять, настоящие ли они, но все равно ничего не понимала. Но выглядели они солидно, ах как солидно. Как настоящие. Но проверить их мне будет трудно, очень трудно. Возможно, номера банкнот (они наверняка украденные) записаны. Да и сама купюра в пятьсот евро в руках девчонки, какой я себя видела со стороны, могла бы вызвать подозрение.

Ладно, подумала я тогда, как-нибудь разберусь. Уж найду способ разменять их или превратить во что-нибудь безопасное.

Теперь пистолет. Вроде бы тоже настоящий. Очень тяжелый и невероятно холодный. Возможно, он даже был заряжен.

Достав из рюкзака, с которым я никогда не расставалась (оранжевый с зелеными вязаными вставками, еще и украшенный целой коллекцией миниатюрных плюшевых мишек и щенков с котятами), планшет, я первым делом заинтересовалась криминальными сводками.

Неподалеку от Трубной площади, на Цветном бульваре среди бела дня неизвестный человек разбил стекло новенькой желтой «Ламборджини Gallard», припаркованной неподалеку от офиса какой-то финансовой компании, и похитил спортивную сумку с несколькими миллионами евро.

Владелец «Ламборджини» депутат Ч. утверждает, что эти деньги предназначались для его избирательной кампании. К вечеру появилась новая информация: деньги были похищены из скромной «Лады», припаркованной неподалеку от кондитерской в районе цирка на Цветном бульваре, а принадлежали они одной из московских преступных группировок. Читая эти странные и смешные сводки, я даже представляла себе мокрого от пота и страха молоденького журналиста, щелкающего пальцами по клавиатуре под прицелом направленного на него пистолета... Вернее, разных пистолетов, направляемых на него по очереди причастными к этой истории опасными людьми. Отсюда и множество версий, предположений. Причем все какие-то мутные, странные, почти фантастические — ни одной не хотелось верить.

Однако было в этих сводках одно общее. Имя похитителя — Лука Заречный. Очень красивые имя и фамилия, и я сразу же представила себе стоящего на берегу реки Робин Гуда с луком в руке.

На самом деле Робин Гуд был без лука, а с пистолетом. И выглядел он более круто, чем шотландский средневековый стрелок-правдолюбец.

Если бы меня попросили составить его фоторобот, я бы без труда сделала это. Красавчик-бандит в белой рубашке, черной кожаной куртке и синих джинсах все еще стоял передо мной. Закрыв глаза, я мысленно увеличивала его портрет, словно нажимая на невидимую кнопку зума. Еще немного, и я услышу запах его одеколона!

Лука Заречный, если верить интернету, находился в розыске за разбой и убийство с конца 2012 года. Подробностей его криминальной биографии я так и не нашла и подумала еще тогда, что, скорее всего, не так-то все просто. Вполне вероятно, что отсутствие этих самых подробностей является результатом работы служб безопасности людей, на которых он работает. А что это за люди, из каких структур, — меня и вовсе не должно было интересовать. Эти люди повсюду, мчатся мимо тебя в дорогих машинах с тонированными стеклами и исчезают, растворяются в своей темной, замешанной на крови жизни.

Я понимала, что украла их деньги и что Лука — последнее звено какой-то хорошо подготовленной операции (наркотики, продажа оружия, политика). Где-то в цепи запланированных событий произошел сбой, в результате чего эти деньги нужно было перепрятать, инсценировав ограбление машины. А может быть, храбрый Лука, выследив машину, нафаршированную шестью миллионами евро, решил ее грабануть, но его заметили и бросились за ним в погоню. Это могли быть настоящие полицейские, те, которых я видела из окна, а могли быть переодетые преступники, которых я приняла за полицейских. Они гнались за Лукой, это факт. И, надеюсь, потеряли его из виду. Иначе интернет пестрел бы совершенно другими сводками...

Неуловимый Лука занимал меня весь вечер. Если мои соседи доложили ему или его людям, кто взял сумку с деньгами, значит, он ищет меня.

Когда найдет, в лучшем случае потребует сумку, а в худшем — просто отберет ее, а меня пристрелит. Или же сумку ищут те, у кого он ее украл. Как бы там ни было, мне вообще опасно высовываться из дома.

Но и сидеть до посинения я тоже не могла. Мне нужно было купить еду.

Прошло всего несколько часов с тех пор, как я поселилась в Крапивенском переулке, и я надеялась, что за мной еще не следили. Иначе бы нашли.

Я очень боялась, что они, мои преследователи, поедут к бабушке в Ключниково. Но, с другой стороны, мало кто из моих знакомых знает, где она живет. Отыскать меня у бабушки было бы в любом случае делом непростым. Да и бессмысленным. Какой человек, украв такую сумму, будет прятаться там, где его легче всего найти?

Я все-таки вышла из дома и долго шла куда глаза глядят в надежде найти какой-нибудь продуктовый магазин. Поначалу-то мне и есть не хотелось, нервы были на пределе. А вот ближе к вечеру денежки в сумке зашелестели: иди, купи себе хотя бы хлеба с колбасой!

Я взглянула на себя в тусклое зеркало в прихожей. Показалось, что из прошлого этой квартиры на меня посмотрела застрявшая между старинными годами (когда лягушки были господами) перепуганная насмерть девчонка с большими глазами. Я помахала ей рукой и вышла из дома.

2. Таисия

Таисия Китаева открыла глаза, потому что была жива. А живой человек не должен так долго лежать с закрытыми глазами, если, конечно, он не спит.

Гримерная плыла перед ней цветной желто-красной картинкой. Это были слезы, это была горечь, это была невысказанная боль.

Во рту оставался солоноватый железистый привкус крови. Ей сорок один год, и ее изнасиловали в собственной гримерке.

Вот уже два года, как Таисия Китаева сменила профессию преподавателя французского языка и литературы, став певицей ночного кабаре «Префранс». Заведение было частным, тайным, дорогим, уникальным. Поначалу оно принадлежало молодому человеку по имени Миша Зелькин, большому любителю романсов, классической музыки и балета. Выкупив с отцом старинный особняк на Петровском бульваре и отреставрировав его, он почти все помещения сдал под офисы, а внутренние, тайные комнаты и полуподвальное помещение с зимним садом превратил в ресторан для избранных. Публику он подбирал исключительно среди знакомых семейства, близких друзей отца или матери. В основном это были люди военные, солидные, так называемая старая гвардия. Для них он приглашал профессиональных музыкантов, поэтов, певцов и танцоров. Миша с большим вкусом составлял программы, собирая под свое крыло людей талант-

ливых, уникальных. Целью его было ублажить, осчастливить своих гостей, дать им возможность послушать любимые мелодии, потанцевать любимые танцы, вернуться на несколько часов в счастливую молодость.

Название «Преферанс» было придумано давно, еще до того, как государство запретило игорный бизнес. Потом комнаты для игры в карты нужно было превратить в уютные кабинеты, а из самой большой сделать маленький театр с подмостками и зрительным залом. Ресторан открывался в шесть вечера и закрывался рано утром. Меню было своеобразным, от блюд советского номенклатурного застолья (шницель из свинины, чахохбили из кур, креветки «Барадеро») до дорогих кушаний царского времени (уха с расстегаями, котлета «Пожарская», поросенок с хреном, гурьевская сладкая каша).

Таисию, обладательницу красивого голоса и привлекательной внешности, позвала в «Преферанс» знакомая Миши, подруга его матери. Ей предложили исполнять русские романсы, советские и зарубежные шлягеры, попросту велели выучить множество песен на любой вкус. Работа предполагалась постоянная, хорошо оплачиваемая (зарплата плюс чаевые), с бесплатными ужинами и выпивкой. Таисия, перед которой в то время возникла проблема поиска работы из-за затяжного конфликта с директором-самодуром в частной гимназии, где она преподавала французский, практически сразу же согласилась. Выступая с успехом перед публикой и с каждым

разом чувствуя себя все увереннее, она вдруг в какой-то момент поняла, что это и есть ее призвание. Для нее шили концертные платья, под ее репертуар оформлялась маленькая сцена. Помощники и телохранители Миши следили за ее безопасностью, не позволяя никому из подвыпивших гостей, пожелавших лично поцеловать ручку или преподнести артистке букет, пройти в ее гримерку, и всегда вовремя, до назревающего скандала провожали ее до такси, а то и до самого дома. И все вечера были наполнены каким-то особым очарованием, радостью от сознания того, что ее, вчерашнюю учительницу, воспринимают как профессиональную певицу, как артистку, что ее любят и хотят слышать ее голос. Отношения, которые завязались у нее с Мишей, хозяином ресторана и просто очаровательным и умным молодым человеком, обладающим массой способностей, сделали ее и вовсе счастливой. И все бы так и продолжалось, Миша бы фонтанировал идеями и все они были бы одна оригинальнее другой, если бы не авария, унесшая жизни его родителей. «Преферанс» закрыли на время похорон, а потом пропал и сам Миша. Просто исчез. Коллектив ресторана еще какое-то время работал, словно по инерции, а дальше появился человек по имени Олег Иванов и объявил себя хозяином «Преферанса». Документом, подтверждающим этот факт, стало свидетельство о его праве собственности на ресторан. Приблизительно четыре месяца ресторан работал в обычном режиме. Все это время Таисия обивала пороги, пытаясь за-

ставить полицейских активнее искать Михаила Зелькина, наняла людей из частной охранной фирмы, чтобы охраняли Мишину квартиру и дом его родителей от разграбления. Между тем постоянные посетители ресторана, по большей части друзья и знакомые семьи Зелькиных, отказывались проводить вечера и праздники в изменившемся заведении. Даже уха, как сказал один из них, потеряла свой вкус, не говоря уже о новом чудовищном репертуаре Таисии — ей было приказано петь современные песни, подражая вульгарной попсе...

Разразился скандал, Олег Иванов, высокий худой рыжеволосый мужчина с глазами и ртом ящерицы, заглянул в гримерку к Таисии и тихим голосом предложил ей в случае неповиновения уйти, уволиться. Он сказал, что найти ресторанный певцу на ее место — дело одного дня и желающих будет много. Понимая, что это конец, что ей больше терять нечего, она вспыхнула и сказала, что не верит в исчезновение Миши, что он не просто исчез, что его убили и что убийца его — сам Олег! Она уже и не помнила, что еще кричала, какие обвинения бросала в непроницаемое лицо Иванова. Пришла в себя, когда он ее вдруг ударил по лицу, схватил за руки и повалил на пол. Такой силы, такой железной хватки от мужчины она не ожидала. Находясь в полубессознательном состоянии после всего пережитого, испытывая жгучий стыд и злобу, она с трудом поднялась, оделась и вышла через черный ход ресторана на улицу. Глотнула воздух и медленно побрела, пло-

хо соображая и изо всех последних сил стараясь не упасть. В какой-то момент небо опрокинулось, и на нее стремительно понеслась пожухлая трава.

Первое, что она увидела, когда пришла в себя, были большие зеленые глаза. Высокий девичий голос спросил:

— Может, «Скорую» вызвать?

— Нет-нет, не надо.

Оказывается, она уже сидела на скамейке. Перед ней стояла, пристально вглядываясь ей в лицо, девушка, почти подросток.

— Я думала, что вы умерли, — сказала она.

— Да лучше бы умерла, — ответила Таисия и почувствовала, как горячие слезы хлынули и потекли по щекам.

— Если не «Скорую», так, может, полицию?

— Нет, я сейчас приду в себя и поеду домой.

— Может, я вас провожу?

— Нет, не надо. Спасибо.

— Скажите, — девушка оказалась назойливой, но равнодушной, что было приятно. — Скажите, вот если бы вы увидели лежащую на земле женщину, вы прошли бы мимо? Не предложили помощь? То-то и оно. Пойдемте со мной. Хотя бы согреться. Все-таки на земле лежали.

Она привела Таисию, которая воспринимала все как сон, в какую-то странную квартиру. Древнюю, дремучую, со старой мебелью и обшарпанными стенами.

— Здесь время остановилось, — сказала, оглядываясь, Таисия. — Это не ваше жилье.

— Все правильно. Меня поселили здесь временно. Зато никто не найдет, — улыбнулась она как-то странно. У нее был вид человека, которому не с кем поговорить. Милая такая девушка с внимательными глазами. И очень-очень молодая.

В какой-то момент Таисия пожалела, что согласилась пойти с девушкой. Уж слишком неудобным было жилье, в которое она ее привела. Какое-то безжизненное, почти нереальное.

— Может, вы расскажете, что с вами приключилось?

— Я работала певицей в ресторане. Ресторан забрал какой-то бандит, мой хозяин Миша исчез, а меня только что изнасиловали... Новый хозяин. Как тебе такая история?

Таисия и сама не могла понять, как случилось, что она рассказала всю правду первой попавшейся девчонке. Вероятно, просто не смогла молчать.

— А я изменила своему парню, он обещал меня убить, и теперь вот прячусь, — проронила, как уронила правду, девушка. — Меня зовут Виолетта.

Она протянула Таисии худенькую ладошку.

— Таисия.

— И кто этот хмырь? Почему не обратились в полицию? Боятесь его? Я почему спрашиваю. Просто вам сейчас наверняка хочется принять душ, смыть с себя всю эту грязь. Но тогда вы не сможете посадить его, смоее все биологические следы. Вы точно не станете обращаться в полицию?

— Точно. Его все равно не накажут, у него денег много. А я только опозорюсь. Не могу пред-

ставить себе, как буду давать показания. Да и кто поверит какой-то там ресторанной певичке?

— У меня прямо руки зачесались, — сказала Виолетта. — Так и хочется этому вашему Иванову башку оторвать. Или яйца.

— Виолетта, а может, поедем ко мне? Здесь как-то...

— Стремно? Согласна. Но я же здесь как бы прячусь. А что, если за мной следят? Если пальнут, то и в вас попадут. Может, мы просто вызовем такси и вы поедете одна?

— Да никто ни в кого не пальнет! Мужики, они все такие — умеют только угрожать. Предлагаю поехать все-таки ко мне. Уж у меня-то тебя точно никто не найдет. У меня и дом под охраной, если что. Но самое главное — ванна!

— Вы точно не боитесь со мной?

— Знаешь, после того, что мне сегодня пришлось пережить, не думаю, что испугаюсь твоего парня.

— Хорошо. Если вы готовы разделить со мной опасность, короче, если вы со мной, то поехали к вам. Сами видите, какая здесь грязь. Мне бы тоже помыться, пожрать нормально. Я вон купила чаю, колбасы. Но здесь кусок в горло не полезет.

— Я с тобой, Виолетта, — сказала Таисия, испытывая к этой смешной девчонке теплые чувства и с трудом скрывая свою иронию. — Поехали ко мне. Поступим так. Раз ты уж так напугана, что даже сняла эту квартиру, то, может, на самом деле тебя ищут. Выйдем из дома, пройдем пару кварталов и поймаем частного. Нам в нашем по-

ложении такси не нужны. Может, ты права, и тебя могут вычислить. Ты бы свою сим-карту выбросила, мало ли, а я куплю тебе новую, на свое имя. Ты перепиши важные номера.

— Круто!

Они вышли из квартиры, спустились во двор, огляделись. А через четверть часа уже сидели в старенькой «Волге» и мчались в сторону Садового кольца.

— Я живу рядом с театром кукол, — сказала Таисия.

— Круто, — уже без особого энтузиазма отозвалась нагруженная сумкой и рюкзаком Виолетта.

— Садовая-Самотечная, — сказала Таисия водителю.

— Хороший райончик, — заметил водитель, молодой рыжеволосый парень с синими глазами. — Я бы тоже не отказался там жить.

— А ты где живешь? — живо отреагировала Виолетта.

— В Люблине.

— Да уж, далековато. Да ничего, ты еще молодой. Заработаешь бабок и купишь себе приличное жилье, где захочешь. Ты школу-то окончил?

— Обижаешь, — ухмыльнулся парень. — Я вообще-то студент, в музыкальном училище учусь. На баяне играю.

Виолетта вдруг расхохоталась. Парень, пожав плечами, надолго замолчал.

— Слушай. Ты это, не обижайся на меня. Просто ты так выглядишь... Такой весь из себя современный, яркий, и тут вдруг — народные ин-

струменты. Баян! Не понимаю я народную музыку. Классику еще куда ни шло. Но чтобы народные...

— Да понял я, понял. Вас никто и не заставляет слушать народную музыку. Хотя я на баяне играю Баха, вы просто не слышали.

И снова тишина. Машина запетляла по улочкам, Таисия вдруг всхлипнула.

— Вы чего? — Виолетта повернулась к ней, увидела слезы. — Эй, ты, баянист, давай-ка уже езжай быстрее. Человеку плохо.

У Таисии, перед которой веером промелькнули картины ее недавних выступлений в ресторане, довольные лица гостей, Миши, вдруг стало так тяжело на душе, что она не выдержала. До нее словно постепенно начал доходить весь ужас ее ситуации. Во-первых, ее унизили предельно, изнасиловали в гримерке, куда еще недавно ей приносили новые концертные платья, где Миша говорил ей комплименты или передавал записки от гостей со словами благодарности за прекрасно исполненные романсы. Изнасиловали, осквернив ее тело и душу. Во-вторых, она осталась без работы. В-третьих, как, на что она теперь будет жить? В-четвертых, она вдруг поняла, что Миши больше нет в живых. Что этот Иванов просто-напросто убил его, заставив перед смертью подписать все документы на «Преферанс».

— Слушай, баянист, тебя как зовут-то? — спросила Виолетта уже на месте, перед тем как выйти из машины.

— Петя. Вернее, Петр. А что?

— Ты не против иногда подрабатывать на своей роскошной тачке? Подвезти меня куда надо?

— Да без проблем, — лицо Петра осветилось улыбкой. Даже веснушки его вспыхнули на солнце.

— Диктуй номер своего мобильного!

Таисия не заметила, как и сама улыбнулась, глядя на этого солнечного баяниста. Виолетта права, в случае, если ей понадобится перемещаться в пространстве, такая вот «Волга», неприметная, скромная, — то, что надо.

Таисия жила в сталинском доме, престижном, с ухоженным чистым подъездом и консьержкой. Сюда ей было не стыдно и даже приятно приглашать новых друзей.

Сейчас, увы, все те, кто прежде с благодарностью и восхищением слушал ее пение и любовался ею, куда-то пропали, словно затаились. И вот теперь она ведет в свой дом совершенно незнакомую девчонку, скрывающуюся от своего парня. Что ж, такова жизнь. Не знаешь, что будет через день, а то и час. Разве могла она еще сегодня утром предположить, что с ней станет?

— Я бы хотела, чтобы он умер, — сказала она сквозь слезы, открывая дверь и впуская к себе Виолетту.

— Меня хоть и не изнасиловали, но я бы тоже хотела, чтобы эту собаку где-нибудь пристрелили. Ведь он бандит, я правильно поняла? — отозвалась та, оглядываясь в восхищении. — Ты хорошо упакована, просто класс! Нет, ты не подумай, я не завидую, просто красиво.

Она с легкостью перескочила на панибратское «ты», что нисколько не напрягло Таисию, напротив, вызвало улыбку.

— Проходи, Виолетта. — Таисия тяжело вздохнула. Сейчас все, что так радовало ее в квартире, разные приятные мелочи, выглядело мучительным. Каждое напоминание о ее прошлой благополучной и счастливой жизни резало по нервам, убивало.

— Я не убийца, конечно, — рассуждала между тем Виолетта, стягивая со спины рюкзачок, освобождаясь от него, словно от тяжелых пут, — но с удовольствием всадила бы в него несколько пуль. Скотина! Ничего, он еще у нас попляшет!

— Пойду пушу воду, смою с себя всю эту мерзость.

— Ты хорошо подумала? Потом, когда поможешься, обратного хода уже не будет, это я про экспертизу и все такое.

— Нет-нет, в полицию я точно обращаться не буду.

В дверь позвонили, Таисия вздрогнула.

— Не открывай, — прошептала, давась мгновенно образовавшейся сухостью в горле, Виолетта. — Пожалуйста. Это за мной.

Таисия на цыпочках подошла к двери.

— Виолетта, у меня две двери, так что не бойся. Но, думаю, это все же ко мне. Сейчас посмотрю в глазок.

Мысленным взором она уже в который раз увидела стоящего за дверью Мишу, и сердце ее

при этом заколотилось так, словно это было реальностью.

Но за дверью стояла соседка Зоя Григорьевна, мать депутата Госдумы, женщина хоть и строгая, но с добрым сердцем. Она, одинокая и скучающая, заглядывала к Тае время от времени, чтобы угостить ее выпечкой или попросить у нее по-соседски соли или какой-нибудь мелочи. В планах Таи было пригласить ее как-нибудь в «Преферанс» на ужин, чтобы продемонстрировать ей свой талант певицы, а заодно сделать ее постоянным гостем Мишиного ресторана. Однако все это так и останется лишь планами.

— Таечка? Можно войти?

На Зое Григорьевне был красный шелковый халат, в тон красному лаку на длинных коготках. Аккуратная стрижка, подтянутая кожа лица, умеренный макияж — все это сильно молодило семидесятилетнюю женщину.

— Да, Зоя Григорьевна, входите, пожалуйста.

— Таечка, надо поговорить. Где нам лучше расположиться?

Тая пригласила соседку на кухню. Виолетта посчитала лучшим скрыться.

— Я не сплетница какая-нибудь и вообще не терплю сплетен. Но то, что я тебе сейчас расскажу, — ужасная история, которая приключилась буквально на моих глазах! Конечно, я увидела и услышала все, находясь на своей территории, то есть в своей квартире, за дверью, но все видела

в глазок и все слышала. Так вот. Я о Леночке Борисовой.

— О Лене?

Она имела в виду соседку, квартира которой находилась на третьем этаже. То есть на этаж выше, однако на втором, рядом с дверью в квартиру Таисии, располагался другой, черный, или тайный, ход на нижний этаж двухэтажных апартаментов Борисовых.

— Ты же знаешь, этот, с позволения сказать, кобель Борисов частенько пользовался черной дверью, чтобы впускать туда своих любовниц. На его, так скажем, официальном этаже проживает одна весьма любопытная дама, приятельница его матери Маргариты Петровны, поэтому в отсутствие Леночки Борисов впускал своих любовниц с нашего этажа. Нам-то с тобой об этом хорошо известно. Но, повторяю, я все это говорю тебе не ради того, чтобы просто почесать языком. Ох, Тая... Что-то я много наговорила, а главного пока не сказала. Совсем разучилась с людьми разговаривать, одичала совсем. Главное — Борисов выгнал Леночку. Да-да, я видела, повторяю, своими глазами. Нет, конечно, тема эта сейчас весьма популярная в сериалах, но когда смотришь кино — одно восприятие, а вот когда это происходит прямо на твоих глазах и ты знаком с этими людьми, то понимаешь, как же все это страшно, бесчеловечно! Он выставил ее в халатике и в розовых тапочках с пухом. Очень красивые тапочки. Они, кстати говоря, сейчас у меня...

— Бог с вами, Зоя Григорьевна. О чем вы? Кто у вас? Тапочки? Вы о тапочках?

— Сама не знаю, почему их вспомнила. Должно быть, потому о них сказала, что прямо-таки вижу их перед собой. Надо признаться, Борисов никогда не жалел на жену и детей денег, и Леночка одевалась хорошо, и детишки, Танечка и Аркаша, и кто бы мог подумать, что в такой вот, внешне вполне благополучной, семье может случиться такое...

Так вот, я сразу после того, как Борисов выставил Леночку из квартиры и она вошла, как слепая, в лифт, поехала за ней... Сразу! И догнала ее уже на крыльце, на ступенях. Она стояла, у нее был вид совершенно сумасшедший. Она, бедняжка, явно не знала, куда ей идти. Думаю, что ей на самом деле некуда было идти, родители-то ее далеко, где-то в Омске, что ли. Хорошо, у меня с собой был кошелек. Я сразу же вызвала такси, и мы с ней поехали в Зеленый Бор, ко мне на дачу. Понятно было, что она нуждается в помощи, что ее надо срочно увозить. Нет, конечно, мы могли бы отправиться с ней в больницу, у нее лицо было все разбито...

— Зоя Григорьевна! — Таисия поймала ее руку, которой та касалась своего холеного лица с осторожностью, как если бы это было израненное лицо Лены Борисовой. — Постойте, не так быстро. Вы отвезли ее на свою дачу, я правильно поняла?

— Ну да! Не в полицию же ее везти! Там правды не добьешься, особенно когда противоположная сторона — зажавшийся богатый мужик, решивший, что все можно купить. Или что после избиения жены, после того как он отнял у нее

детей и выгнал ее из дома в ночной рубашке и тапочках, можно остаться безнаказанным. Таечка, поверь мне, без толку с такими бороться и что-то там доказывать! Да и я тоже не хочу принимать во всем этом участие. Я слишком хорошо понимаю, чем все это может закончиться, у меня есть подруга, так вот, с ее дочкой произошла похожая история. Слава богу, вмешался мой Дима, и все закончилось более-менее благополучно. А с Леной... В лучшем случае ее запрут в какую-нибудь частную психиатрическую клинику — и все, пиши пропало! А в худшем — даже страшно представить себе, как, каким способом Борисов мог бы от нее избавиться. Понимаешь, она для него уже давно стала обузой. Он и терпел ее, я предполагаю, исключительно из-за детей, все-таки мать. А ведь наша Леночка — редкой доброты и порядочности человек, Борисову с такими вот нормальными людьми скучно, им подавай другого типа женщин. Сама понимаешь, что я имею в виду.

— Она сейчас у вас? На даче?

— Да. Я отвезла ее, бедняжку, туда, затопила камин, включила все имеющиеся радиаторы... Уложила ее в постель, а сама вот вернулась в Москву, чтобы забрать одного моего знакомого хирурга, я договорилась. Нет-нет, ничего такого криминального нет, синяки на лице, разбитый нос, но все равно, надо бы какие-нибудь примочки сделать, уколы, болеутоляющие. Да и вообще ей сейчас нужен покой. Я что заглянула-то? Может, поедешь с нами? Подскажешь чего?

3. Виолетта

— День какой сегодня, богатый на события, — заметила Тая, запирая дверь за соседкой.

— Ты сказала ей, что подумаешь. Ты реально хочешь поехать к ней на дачу? Ты, такая измученная, готова впрячься за нее?

— Ну да! Лена классная, она всегда мне нравилась. Красивая такая, спокойная, умная, мы с ней сколько раз пили чай, когда ее дети спали, разговаривали. Она мне о себе рассказывала, о детках... Они совсем маленькие, погодки, Танечке два годика, а Аркаше — три. Такие крохи. Забыла спросить Зою Григорьевну про детей. Конечно, я хочу ей помочь. А что тебя так удивляет?

— Наоборот, не удивляет, — призналась я. — Я реально рада, что не ошиблась в тебе. Вот только ты недавно только в себя пришла. Или уже забыла?

— Да нормально я себя чувствую... Думаю, гораздо лучше, чем Лена.

— Ладно. Тогда иди прими душ, —скомандовала я, — и собирайся. А я с тобой.

— Ты серьезно? — слабая улыбка осветила лицо Таисии.

— Конечно.

Странное дело, мне всегда казалось, что изнасилование — это как катастрофа, после которой женщины с трудом выживают. И дело не в физическом состоянии, если, конечно, это не групповуха, а в психике. Тая же моя как-то очень быстро пришла в себя. Вот только неясно было, радовать-

ся мне этому обстоятельству или насторожиться. Бабушка меня всегда учила никем не очаровываться, воспринимая людей такими, какие они есть, никому уж точно не доверять и даже самые благородные чужие поступки подвергать проверке. Вот и тогда, глядя, как проворно розовая после горячего душа Таисия собирается, я все-таки напряглась. А что, если она выдумала эту историю с рестораном и никто ее не насильовал? Да может, она вообще не та, за кого себя выдает? В любом случае, решила я, деньги в доме не оставлю, возьму с собой, мало ли. И пистолет положу в карман, ничего, что тяжелый.

— Виолетта? Ты чего с сумкой-то? Мы же вернемся, — удивилась Тая уже перед тем, как нам выйти из квартиры. — Или ты передумала остаться со мной, у меня?

Не была она похожа на правую руку Луки Заречного, да и нереально все это — чтобы тот, у кого я украла деньги, вот так быстро сориентировался, разыскал меня да и подsunул мне Таю, жертву изнасилования, чтобы мы с ней скорешились-подружились. Какой в этом смысл? Даже если предположить невозможное, что Тая — часть спектакля, организованного с целью вернуть деньги, кто бы успел так быстро все это проверить? Конечно, это полный бред! И во всем виновато мое больное воображение и переполнявший меня страх, который с каждым часом набухал во мне все больше и больше...

Понятно мне было и удивление Таиси, увидевшей меня в обнимку с сумкой, набитой миллионами евро. Она-то не знала, что в ней, иначе точно не спросила бы, зачем я беру ее с собой. Поделиться с ней тайной содержимого сумки я тоже считала, мягко говоря, преждевременным. Получалось, что я как бы не доверяла ей, забирая сумку, или, во всяком случае, не собиралась возвращаться в ее квартиру. Я уже и не знала, как мне поступить, и тут вдруг Таечка просто-напросто отобрала у меня сумку и сунула ее за диван, в укромное местечко в гостиной.

— Не пори горячку. Будешь пока жить у меня, — сказала она тоном, не терпящим возражения. — Что там в твоей сумке ценного? Пижама да зубная щетка? Вот и хорошо, пусть останутся здесь, у меня. Вернешься, помоешься, переоденешься и отдохнешь. Я понимаю, мы с тобой мало знакомы, но разве тот факт, что я предложила тебе свой кров, ничего для тебя не значит?

— Значит, — прошептала я, глядя на синюю темную сумку в тени дивана. — Конечно, значит. Вообще-то, у меня там пистолет.

— А... Теперь хотя бы понятно, почему ты так держишься за свою сумку. Откуда пистолет? Чей он?

— Нашла.

— Ты хотела взять его с собой?

— Да, — проблеяла я неуверенно. — Неизвестно, куда едем.

— Давай уже ты успокоишься и перестанешь во всем видеть смертельную опасность. Да, Лена попала в переplet, ей тяжело, но мужа-то ее, из-

верга, там, в Зеленом Бору, нет и быть не может. Сейчас мы имеем дело с благообразной старушкой, чудесной женщиной по имени Зоя Григорьевна. Я просто уверена, что, попади мы с ней даже в какой-нибудь переплет, она сразу же позвонит своему сыну Диме, и все вопросы будут решены. Что, я убедила тебя не брать с собой пистолет?

Конечно, она не поверила мне, что я его нашла. Слишком уж фантастически это выглядело. Интересно, подумала я, а что она сказала бы, если бы я призналась, что нашла шесть миллионов евро? Расхохоталась бы в лицо, точно.

Решив, что надо действовать по обстоятельствам и что впредь не стоит привлекать внимание кого бы то ни было к сумке, я попросила у Таи прощения за свою неделикатность. После этого я стерла со своего лица озабоченность и смело последовала за старшей подругой в неизвестность. То есть за порог ее милой уютной квартиры, чтобы направиться в Зеленый Бор.

— Придется немного подождать, такси будет через четверть часа, — сказала Зоя Григорьевна, когда мы втроем вышли на улицу. — Ничего, подышим свежим воздухом. Да и доктор Михаил Семенович отзвонился, предупредил, что немного задержится.

— Эти таксисты, — покачала головой Таисия, выражая явное недоверие к представителям этой профессии, — опасные люди. Всегда и все знают, звонки же фиксируются, записываются. Если Бо-

рисов подключит своих людей, то может вычислить, куда увезли Лену.

— Нет-нет, Таечка. Не переживай. Это знакомый таксист, Александр Петрович, я его хорошо знаю и всегда вызываю только его, а потому ему можно доверять. Мы с ним катаемся на мою дачу вот уже пять лет!

Ноябрь, предав осень, решил нас в этот день просто заморозить, прикинуться декабрем. Откуда-то подул холодный ветер, принес похожую на снег крупу, с деревьев с шумом летели листья. А знакомый таксист Зои Григорьевны где-то застрял в пробке.

— Что поделать, вся Москва стоит, — чуть не плакала пожилая женщина, кутаясь в широкий красный шарф.

— Может, позвоним нашему баянисту? — шепотом спросила я Таисию.

— Я не против. У меня голова замерзла, я же ее помыла.

Я позвонила Петру, спросила, не сможет ли он приехать, чтобы отвезти нас в Зеленый Бор. Реально ли приехать хотя бы в течение получаса? Петя звонким голосом ответил, что он находится в нашем районе и прибудет через восемь минут.

— Посмотрим, — недоверчиво покосилась Зоя Григорьевна в мою сторону.

— Посмотрим, — кивнула головой Тая.

Петя прибыл на одну минуту даже раньше, практически одновременно с появившимся возле дома доктором, высоким худым стариком в теплой

куртке, вязаной черной шапочке и джинсах. Я, честно говоря, даже глазам своим не поверила, когда во двор въехала знакомая старенькая «Волга», за рулем которой сидел, широко улыбаясь, наш баянист. Мы бросились к машине, чтобы поскорее спрятаться от холодного ветра.

— Фантастика! — воскликнула Зоя Григорьевна, усаживаясь на заднее сиденье между Таей и Михаилом Семеновичем. Я села рядом с водителем и тут же пожалела об этом. Какой из меня штурман, если я понятия не имела, куда ехать.

— Я знаю дорогу как свои пять пальцев, — успокоила меня Зоя Григорьевна, набирая номер застрявшего в пробке таксиста, чтобы дать ему отбой.

— А ты чего здесь делал, в этом районе? — спросила я Петра, ловко маневрирующего между автомобилями.

— Работал, — пожал он плечами. — А вы что забыли в Зеленом Бору?

— У меня там дача, — отозвалась Зоя Григорьевна. — Вот едем подышать свежим воздухом да забрать яблоки. Скоро морозы ударят, а у меня там четыре корзины зимних яблок и груш.

Надо сказать, что насчет яблок и груш она сказала чистую правду. Мы приехали на дачу, слегка смахивающую на небольшой загородный дворец, утопающий в высоких елях. Первое, что я помню, — крепкий яблочный дух, который ударил в нос, едва только мы переступили порог. На плиточном черно-белом полу террасы стояли четыре

большущие корзины, наполненные желтыми и бордовыми яблоками, рядом обнаружился и деревянный ящик с грушами.

Уж не знаю, как так получилось, но Зоя, забыв об осторожности, пригласила Петра в дом выпить чаю. Вероятно, она-то, в отличие от меня и Таи, понимала, как важно в ситуации, в которой мы оказались, иметь в друзьях водителя транспортного средства. К тому же с нами был доктор, не проронивший ни слова, пока мы ехали, которого надо было возвращать в Москву.

— Леночка, мы приехали! — немного дрожащим, быть может, от волнения, голосом заявила о своем приезде хозяйка. — Ты где?

Судя по тишине, в доме было все спокойно, где-то на верхних этажах работал телевизор. Хозяйка с доктором поднялись на второй этаж, Таисия же, взяв на себя инициативу, предложила нам с Петром последовать за ней на кухню. Просторная, теплая, с длинным столом посередине, она показалась нам просто раем. Тая поставила греться чайник.

— Понтовая база, — покачал головой Петр, оглядываясь. — Я на прошлый Новый год тусил на такой.

Я смотрела на Петра, Таисию, прислушивалась к едва раздающимся откуда-то сверху голосам и спрашивала себя, как могло случиться, что я в один день обзавелась деньгами, оружием, познакомилась со столькими людьми, да еще и попала в настоящий богатый дом! Я никогда прежде не бывала в таких домах, не была знакома с хозя-

евами подобных дворцов. Подумалось еще, что подобное разделение общества на богатых и бедных, которое просто резало глаза, и толкнуло моего отца заняться отстрелом хозяев таких вот хоромов. За эту работу ему, видать, хорошо платили, но, кто знает, быть может, он получал особое удовольствие, лишая их жизни. Конечно, это были мои тайные недобрые мысли, и хорошо, что люди еще не научились читать их друг у друга в сознании. Страшно даже представить себе, что подумали бы обо мне Таисия и Петр, если бы поняли, кто я такая и чем дышу. Да, господа, это зависть в самом буквальном значении этого слова. Ничто так, как бедность, не унижает человека, не делает его изгоем, ничтожеством в глазах людей успешных и богатых. Посмотрела бы я на ту же Зою Григорьевну, живи она на одну пенсию. Не уверена, что она помогла бы своей соседке, жене богатого бизнесмена Борисова. Возможно даже, увидев ее избитой на лестнице, сказала бы: «Так тебе и надо!» А сейчас, благодаря сыну-депутату, разве ей трудно было протянуть руку помощи Лене Борисовой? Возможно, ей даже приятно заниматься локальной благотворительностью, изображая из себя ангела.

Вот такие были у меня мысли. Не совсем чистые, даже гадкие. И все это исключительно ради того, чтобы лишний раз не очаровываться никем. Даже такой, в общем-то, приятной старушкой, какой была Зоя Григорьевна.

Петр говорил о чем-то, но я не особенно прислушивалась. Таисия между тем накрыла на стол,

приготовила бутерброды, которые Петр с аппетитом поедал.

— ...Я говорю ему: «Оставь мою мать в покое». А он мне: «Не лезь, щенок, не в свое дело. Она денег мне задолжала и пока не отдаст, пусть стоит на рынке, мерзнет». У нее почки больные, мне ее так жаль. Вот я и решил стать бомбилкой, в перерывах между занятиями. Трудно, конечно, но что поделаешь?

Мать, если ему верить, задолжала хозяину точки на рынке миллион двести рублей. Откуда он взял эту сумму — трудно понять. Говорит, что у нее украли товар, а она раньше была должна гораздо меньше, просто проценты набежали. Но она же торгует просто кастрюлями да сковородками на рынке.

Я вынырнула из густого облака своих мыслей, пытаюсь уловить суть сказанного Петром. Еще одна человеческая драма. Музыкант, баянист вынужден подрабатывать на старой машине, чтобы помочь матери расплатиться с хозяином товара. Интересно, кто-нибудь в этом мире счастлив?

Оказывается, я произнесла этот явно риторический вопрос вслух. И Петр немедленно замолчал. У него даже рука с бутербродом опустилась, и он как-то совсем по-взрослому вздохнул.

Внезапно наше уютное и мирное чаепитие разорвал женский крик, переходящий в затаенный стон. После него на нас откуда-то сверху словно прорвалось облако великой боли, посыпались горькие слова и фразы, смысл которых был очевиден: «Я же любила его!», «Как он мог так по-

ступить со мной?», «Что плохого я ему сделала?», «Он забрал моих детей, где они сейчас, с кем?», «Господи, прошу тебя, помоги мне!»

И ни одного намека на сквернословие, оскорбление, словно эта женщина, святая Елена, жила в каком-то своем чистом мире, куда не проникали грязные ругательства, слова, которыми можно ранить или даже убить человека.

Потом мы услышали низкий голос доктора, и все стихло.

— Да, я сразу понял, что вы едете сюда не за свежим воздухом, — сказал Петр. Лицо его еще больше погрузтело, словно тяжелые мысли о нелегкой судьбе матери плавно перетекли в реку чужого, но не менее близкого сердцу горя. У меня возникло непреодолимое желание схватить этого мальчишку, чувствительного музыканта, за руку, что я и сделала. Сжала его теплые пальцы.

— Это не моя история, — сказала я извиняющимся голосом.

— Ее муж избил и выкинул, скотина, — вдруг произнесла Таисия, сверкнув потемневшими от злости глазами. — Наша это история, бабья. У нее муж — богатая сволочь, выставил, говорю, из квартиры чуть ли не в ночной рубашке. А Зоя Григорьевна, соседка наша, привезла ее сюда. Не думаю, Петя, что ты знаком с Борисовым, не верю в совпадения, но вижу, что душа у тебя есть, поэтому и говорю правду.

— Такое сплошь и рядом, — развел руками Петр. — И что теперь делать будем?

— Ты отвезешь доктора домой, мы заплатим тебе, и твое участие на этом закончится, — ответила Таисия.

— Доктора-то я отвезу, но вы не скидывайте меня со счетов. Может, и я чем могу помочь. Я хоть и музыкант, не качок какой, на меня дунешь, и я свалюсь, да и денег у меня, как вы поняли, нет, но вы во всем можете на меня положиться. Я умею хранить чужие секреты. Еще я контактный, лажу с людьми, могу добывать информацию.

— Это ты к чему? — удивилась я. — На работу к нам хочешь устроиться?

— Да нет, просто, — растерялся Петр, которого я как-то уж слишком резко оборвала.

— Да и чем тут сможешь?

— Как — чем? — оживился наш баянист. — Насколько я понимаю, ваша подруга или соседка хочет вернуть детей. Возраст детей?

— Малыши совсем, два и три года.

— Отлично! Я бы мог, к примеру, украсть их. Я не трус! Я вообще ничего не боюсь. Думаю, ее дети сейчас с няней, в таких семьях просто не может не быть няни. Они отправятся на прогулку, я выкраду детей, посажу в свою машину и привезу к вам, сюда.

— Блестящий план, — горько усмехнулась Таисия. — Но ты все равно молодец.

Послышались быстрые шаги, в кухню вошла Зоя Григорьевна, следом за ней доктор.

— Михаил Семенович, давайте уже чайку, а? Сорвали вас, привезли сюда. Давайте-давайте, не

стесняйтесь. Таечка, налей, пожалуйста, Михаилу Семеновичу чаю.

Таисия принялась ухаживать за доктором. В какой-то момент я почувствовала, что движения ее стали замедляться, она как-то странно посмотрела на меня, потом глаза ее закатились, и она, не успев, к счастью, взять в руки чайник, повалилась на стул, а оттуда на пол. До сих пор не знаю, как Петру удалось подхватить ее на руки.

Молчаливый Михаил Семенович бросил возпросительный взгляд сначала на Зою, потом на меня.

— У нее обморок... Молодой человек, несите ее в комнату, на диван. Кто-нибудь может мне объяснить, что с ней?

— Зоя Григорьевна, Петр, вы вернитесь на кухню, — сказала я, испытывая страшную неловкость, — мне надо поговорить с доктором. Глаза Зои увеличились от удивления, а маленький рот даже приоткрылся.

— Хорошо, детка. Пойдем, Петя.

Доктор уложил Таю на диван, принялся осматривать ее.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросил меня Михаил Семенович, оттягивая нижнее веко правого глаза Таисии, словно пытаюсь заглянуть таким образом в ее душу.

— Ее изнасиловали сегодня, — шепнула я. — На работе. Я подобрала ее на улице, она была без сознания. Мы приехали к ней домой, а тут Зоя Григорьевна рассказывает, что случилось с со-

седкой Леной. Я и сама не понимаю, как Тая могла вот так быстро взять себя в руки и все силы бросить на ее спасение. Ее саму нужно спасать.

— А в полицию почему не обратились? — строго спросил доктор. — Кто ее изнасиловал?

— Один человек.

— Что ж, хорошо, что один. Я должен ее осмотреть. Выйдите, пожалуйста, я вас потом позову.

Я послушно вышла. На кухне мне было тяжело смотреть в глаза Зое.

— Что с ней, девочка?

— Проблемы, — уклончиво ответила я, чувствуя, как спираль событий закручивается все туже и туже.

— Если по медицинской части, Михаил Семенович поможет. Он хороший врач, толковый, знающий, опытный, к тому же умеет держать язык за зубами.

— А что он сказал по поводу Лены? — попробовала я свернуть на другую тему.

— Он сказал, что ей нужно время, чтобы прийти в себя. Он поработал немного с ее лицом, оно у нее распухло, бедняжка, потом начал задавать ей какие-то вопросы, и вот тут она сорвалась. Думаю, вы сами все слышали. Главное, сказала я ей, когда она немного успокоилась, что твои дети в безопасности. А уж как мы их тебе вернем — не твоя забота.

— Детей-то мы, может, и вернем, да только его наказать надо, — Петр просто прочел мои мысли.

— Как же его накажешь? — всплеснула руками Зоя. — У Лены нет своего жилья. Ту квартиру, где

они жили семьей, в нашем доме, Борисов предусмотрительно оформил на свою мать, как и загородный дом, и многое другое. У Лены как бы ничего нет, плюс она давно нигде не работает. Хотя у нее есть образование, она экономист, я знаю, мы же с ней общались. Бедная девочка...

Вернулся Михаил Семенович. Странно было слышать, глядя на его непроницаемое лицо, нотки иронии.

— Зоя Григорьевна, осталось только вам да этой молодой даме сделать успокоительный укол, и ваш прекрасный дом превратится в одну большую спальню. Я прав, молодой человек?

Он улыбался одними глазами, этот чудесный доктор. Я же улыбнулась ему во всю ширину своего рта — так умиротворяюще действовало на меня его присутствие. В какой-то момент я и во все почувствовала себя защищенной в обществе этих милых людей — Зои, доктора и храброго Петра.

— Пристрелить его надо, собаку, — прошептала я, мысленно выпуская пули из своего (вернее, из присвоенного мною) пистолета сначала в наильника Иванова, затем в гада Борисова.

— Иди, детка, на второй этаж. Как поднимешься, сразу налево, там есть комната для гостей, увидишь там кровать, застеленную клетчатым пледом, — сказала Зоя, включая полную посудомоечную машину. — А я посплю здесь внизу, в своей комнате. Ты мне так и не расскажешь, что с Таисией?

— Думаю, она сама вам все расскажет.

Поблагодарив хозяйку за чай, я подхватила свой рюкзачок, легко поднялась наверх, открыла дверь в комнату для гостей, забралась под красное клетчатое одеяло и моментально уснула.

4. Лука

Татарочка Роза, пышнотелая молодая женщина, появилась на пороге гостиной с блюдом дымящихся бараньих котлет, и Лука, на мгновение вынырнув из черноты своего дурного настроения, потянул носом.

— Люблю твои котлеты, Розка, — сказал он, тяжело вздыхая, как человек, который рад бы порадоваться жизни, да права не имеет.

— Лука, хватит тебе уже вздыхать, найдутся твои миллионы, — Роза тряхнула черными блестящими локонами, энергично подошла к столу, за которым сидел, развалилась, Лука, и с торжественным грохотом водрузила на стол блюдо. — У тебя вон сколько людей рыщет по городу, обязательно найдут. Тебя не было в этом дворе каких-то пять минут. Ну кто за это время мог взять сумку? Кто-нибудь из этого же дома. Да если хочешь, я сама пойду, буду расспрашивать абсолютно всех, все разнюхаю, ты меня знаешь...

— Нет-нет, даже и не думай в это дело соваться! Этого еще не хватало!

— Лука! Я же хочу тебе помочь.

— Ты добрая, Розка, и красивая. И котлеты у тебя отменные. — Лука улыбнулся так, что у Ро-

зы сердце забилось быстрее. — Ты чего замуж-то не выходишь?

— Тебя жду, — она села к нему на колени, прижавшись обтянутой красным бархатом халата грудью.

— Зачем я тебе? — Лука раздвинул полы халата и вяло поцеловал Розу в ложбинку между губами. — Жизнь у меня беспокойная. Это ты знаешь, что нет у меня этих денег, а тот боров, машину которого я обнес, этого не знает и ищет меня. Рылом своим землю роет, столько людей поднял на уши... Говоришь, хочешь поговорить с жильцами того дома, рядом с которым я бросил сумку? Да я больше чем уверен, что их всех уже опросили.

Лука вот уже сутки прятался в деревне Ледово, под Москвой, у своей старинной приятельницы Розы, женщины, преданной ему всем сердцем, и только здесь чувствовал себя в безопасности. Дом этот, крепкий, большой, хоть и в один этаж, окруженный лесом, единственная родственница Розы, тетя Рамиля, отдала за свои долги, в пору, когда занималась шубным бизнесом, да прогорела. Лука же выкупил дом у ее бывшего хозяина и вернул семье. Правда, тетя Рамиля до этого дня не дожила, зато успела отписать его своей любимой племяннице Розе. Роза содержала дом в чистоте, занималась маленьким хозяйством, состоящим из кур да кроликов, помогала Луке продавать краденое, получая свои небольшие проценты, да прятала в доме нужных ему людей.

— Лука, не мое это, конечно, дело, но люди твои... Эти ребята — Сашок, Витя, Егор... Они, вообще, знают, что в сумке?

— Мыслишь в правильном направлении. Нет, конечно. Они думают, что там дурь.

— А ты как узнал, что деньги в машине остаются? И депутат этот твой... Он что, лох? Как можно оставлять такие деньжищи в машине?

— Он собирался купить одну гостиницу в центре Москвы стоимостью десять лимонов у вдовы одного моего приятеля. Я потолковал с ней, и мы договорились, что если я найду ей покупателя, то она опустит цену до шести лимонов и продаст эту гостиницу только за наличные. И чтобы она не теряла свои четыре лимона, я обещал отжать у одного священнослужителя кусок земли под застройку коттеджного поселка, у меня имеется одна схема... Короче, я через одного человечка подкинул депутату идею...

— Как тебе удается проворачивать такие дела, Лука?

— На это уходят силы и время, Роза. Не все так просто. К примеру, на этот так называемый проект у меня ушло почти четыре месяца! Я должен был все разыграть четко, с привлечением людей, которые меня не знают и никогда не узнают. И самым трудным было заинтересовать этого депутата в покупке гостиницы, остальное же, связанное с вдовой моего товарища, священнослужителем с его землей и даже организацией звонка депутату, в котором его предупредят о предстоящем обыске его кабинета, было просто делом

времени. Перепуганный насмерть депутат оставил сумку с деньгами в машине буквально на четверть часа...

— В интернете пишут, что сумку украли из «Ламборджини», потом где-то написали, что из стареньких «Жигулей»... А где на самом деле были деньги?

— В «Ламборджини» его жены. Она знала, что там были деньги, но ее самой там не было. Депутат был за рулем, но когда ему сообщили, что собираются опечатать его кабинет, он рванул оттуда, позвонил жене, чтобы она срочно приезжала на Цветной бульвар, села в машину и сидела, ждала его. Она вернулась, смотрит, стекло разбито, сумки с бабосами нет... Вокруг уже собралась толпа, понаехали менты, появились свидетели, как я потом узнал, которые показали, куда я побежал... Я должен был сесть в машину и уехать, да в подворотне, где я ее оставил, застрял мусоровоз, я должен был бежать... И тогда я решил спрятать сумку за мусорные баки, буквально на несколько минут, а сам рванул в соседний двор... Там за мной погналась собака, ротвейлер, которого выгуливал один бивень, как нарочно...

— А может, ты двор перепутал?

— Ну да, я же идиот! Роза, ты чего?! И вообще, принеси еще водки.

В кармане Луки заиграл телефон, он нервно выдернул его, посмотрел и швырнул на стол.

— Кто? Стелла твоя? — тонкие черные брови Розы нахмурились.